

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

**СИБИРСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**SIBERIAN JOURNAL
OF PSYCHOLOGY**

№ 59

**Томск
2016**

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим периодическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. Журнал адресован профессионалам в области психологии, педагогики и других наук о человеке. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

В настоящее время «Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (Свидетельство ПИ N77-12789 от 31 мая 2002 г.). Учредитель – Томский государственный университет. Подписной индекс 6424 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал индексируется eLIBRARY.RU

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии; сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Залевский Г.В. – главный редактор (Томский государственный университет, Томск). E-mail: Usya9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – заместитель главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpr@yandex.ru

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Галанинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.А.** (Томский государственный университет, Томск); **Левницкая Т.Е.** (Томский государственный университет, Томск); **Мещерякова Э.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Нуравьева О.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (НИИ психического здоровья Сибирского отделения РАМН, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научный исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва); **Зинков В.Л.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ключко В.И.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс Колледж университета Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор К.Г. Шилько; корректор Е.Г. Шумская; редакторы-переводчики: А.А. Шушаникова, Е.О. Алексеевская, В.Н. Горенинцев; оригинал-макет А.И. Лелюор; дизайн обложки Л.Д. Кривцова.

Подписано в печать 18.03.2016 г. Формат 70х108^{1/16}. Усл. печ. л. 164. Тираж 500 экз. Заказ № 1722.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8-(382-2)-53-15-28. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

The scientific journal "Siberian journal of psychology" publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the "Siberian journal of psychology" commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenina St., Tomsk, 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief – Genrikh V. Zalevsky, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Science, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: Usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Doctor of Psychology (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: sibjormpsy@gmail.com

Bogomaz S.A. (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Bokhan T.G.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Galazhinsky E.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kabrin V.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Karnyshev A.D.** (Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation); **Korotkiy N.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Krasnorjadtseva O.M.** (Tomsk, Russia); **Levitskaia T.E.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Meshcheriagina E.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Muravyova O.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Seryi A.V.** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD [Russian Alphabet vise]

Asmolov A.G. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Bokhan N.A.** (Institution of Russian Academy of Medical Sciences Mental Health Research Institute of Siberian Branch of RAMS, Tomsk, Russian Federation); **Vasserman L.I.** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russian Federation); **Garber I.E.** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russian Federation); **Zinchenko Iu.P.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Znakov V.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation); **Klochko V.Y.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kovacs Yu.** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **Laghi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lombardo C.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lucidi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Malykh S.B.** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation); **Takooshian H.** (Fordham University, New York, USA); **Tkhostov A.Sh.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Ushakov D.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

PUBLISHER:

Tomsk State University Publishing House (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation)

Editor: K.G. Shilko; proofreader: E.G. Shumskaja; editor-translators: A.A. Shushanikova, E.O. Alekseevskaya; V. Gorenintseva; camera-ready copy A.I. Leloyur; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 18.03.2016. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 16,4. Circulation - 500 copies. Orders N 17722.

634050, 36 Lenina St., Tomsk, Russian Federation. Tel. +7 (382-2)-53-15-28. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Дьяков С.И. Самоорганизация в системе психологических критериев определения человека как субъекта жизни	6
Циринг Д.А., Пономарева И.В., Честюнина Ю.В., Евстафеева Е.А., Эвнина К.Ю. Особенности семейных взаимоотношений, детерминирующие формирование личностной беспомощности подростка	22
Гетманенко А.О. Модель детской музыкальной одаренности	34
Кружкова О.В., Куба Е.А., Кривошекова М.С. О совладании с космогенной угрозой на примере студентов проживающих на территории падения метеорита	45
Ануфриев А.Ф., Чмель В.И. Представление о формировании неспецифических элементов диагностического поиска	62

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Дьяков Д.Г., Жук Н.Н., Малаховская Е.С. Самоидентификация у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ разного типа: сравнительный анализ	85
Кривоногова Т.С., Треньяева Л.А., Солондаев В.К., Левицкая Т.Е., Бабикова Ю.А. Тенденции обращения симптомокомплекса ППЦНС в жалобах матери при взаимодействии с педиатром	108
Солондаев В.К., Конева Е.А., Черная Н.Л. Психологические факторы принятия решения о вакцинации	125

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шкурко Ю.С. Скорость и точность принятия решений руководителями и подчиненными	137
Талалаев Г.В., Кашкаров В.С. Алгоритмы формирования психологической адаптации у сотрудников МЧС России в зависимости от уровня семейных конфликтов и дифференцированные подходы к их коррекции	149
Сычев О.А. Супружеская атрибуция как фактор удовлетворенности отношениями в парах с различным стажем семейной жизни	172

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

Dyakov S.I. Self-organization in the system of psychological criteria determining a person as a subject of life	6
Tsiring D.A., Ponomareva I.V., Chestyunina Yu.V., Evstafeeva E.A., Evnina K.Y. Peculiarities of family relationships that determine the formation of personal helplessness among adolescents	22
Getmanenko A.O. The model of child's musical talent	34
Kruzhkova O.V., Kuba E.A., Krivoshchekova M.S. Coping with cosmogonic threat on the example of students living in the territory of a meteorite fall	45
Anufriev A.F., Chmel V.I. The conception of forming the general elements of the diagnostic search	62

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

Dyakov D.G., Zhuk N.N., Malahovskaya E. S. Identification of patients suffering from mental and behavioral disorders due to use of different types of psychoactive substances: comparative analysis	85
Krивonogova T.S., Trenkaeva N.A., Tyukhtina S., Levitskaya T.E., Babikova Yu.A. Reflection trends of perinatal affection of the central nervous system syndrome in the complaints of mothers in their interactions with pediatricians	108
Solondaeв V.K., Koneva E.V., Gornaiа N. Psychological factors of decision-making about vaccination	125

SOCIAL PSYCHOLOGY

Shkurko Yu.S. Time and accuracy of supervisors' and employees' decision making ...	137
Talalaeva G.V., Froshinov S. Algorithms of forming psychological maladjustment among employees of EMERCOM of Russia depending on occupying position and differentiated approaches to their correction	149
Sychev O.A. Marital attributions as a factor of relationship satisfaction among pairs with different duration of marriage	172

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.923.2:616.89-008.441.13

DOI: 10.17223/17267080/59/6

Д.Г. Дьяков, Н.Н. Жук, Е.С. Малаховская

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка
(Минск, Республика Беларусь)*

Самоидентификация у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ разного типа: компаративный анализ

Исследование выполнено в рамках научной работы кафедры методологии и методов психологических исследований «Методологические основания современных психологических исследований: теории, методы и эвристический потенциал» (2011–2015).

В статье представлены результаты исследования самоидентификации у лиц, страдающих психическими и поведенческими расстройствами, возникшими вследствие употребления психоактивных веществ, осуществленного при помощи экспериментальной методики, направленной на изучение сформированности функциональных блоков этого процесса. Показано, что функциональная структура самоидентификации лиц, зависящих от употребления психоактивных веществ, обнаруживает существенные количественные и качественные особенности по сравнению со структурой этого процесса в норме.

Ключевые слова: самоидентификация; идентификационный конструкт; метаядерматический конструкт; психические и поведенческие расстройства

Введение

Проблема идентичности является одной из наиболее обсуждаемых в современной психологии. В последнее время этой проблемой активно занимались психологи самых разных психологических направлений: Х. Тэджфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэлл, Дж. Марсиа, И. Гоффман, М. Синирелла, А.В. Визигина, Н.Л. Иванова, М.А. Лаппо, О.В. Лукьянов и др. Феноменология искаженного формирования идентичности также в последнее время активно перемещается в фокус внимания исследователей. Особенно актуальной эта проблема оказывается для лиц, страдающих рас-

стройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ (далее ПАВ) [1–3]. Концентрируя внимание на проблемах идентичности в ее статических, предзаданных избранной теорией формах, отслеживая ее онтогенетические закономерности, исследователи, как правило, упускают из виду особенности *процесса* формирования идентичности, ее становления в микрогенезе. Фиксация последних позволит увидеть специфические механизмы самоидентификации, которые приводят к нарушению идентичности у людей, зависимых от ПАВ, а также разработать базирующиеся на работе с этими механизмами программы психологической коррекции, направленные на формирование целостной, позитивной идентичности, связанной с этим нормализации самооценки, уровня притязаний, самосочленения. Построение такого исследования в процессуальном формате наиболее продуктивным видится при обращении к культурно-исторической традиции в психологии в связи с выраженной ориентированностью последней на изучение процессуальных закономерностей психических явлений.

Патологическое формирование идентичности является одним из ядерных компонентов в клинко-психологической структуре дефекта при расстройствах, связанных с употреблением ПАВ, о чем свидетельствуют отдельные исследования идентичности у лиц данной категории. Так, Н. Крылова, посвятившая себя исследованиям в области личностной идентичности, указывает, что начало употребления ПАВ связано с неблагоприятным протеканием и разрешением кризиса идентичности, вследствие чего формируется диффузная идентичность, сопровождающаяся аддиктивным поведением. Деструктивное разрешение кризиса идентичности ведет к ее утрате, одним из исходов чего являются наркомания и алкоголизм. У людей, употребляющих ПАВ, на месте утраченной идентичности формируется псевдоидентичность (при наркомании) или отрицательная идентичность (при алкогольной зависимости) [2].

Исследуя формирование алкогольной зависимости в подростковом возрасте, А.В. Березинский отмечает, что деформацию структуры социальной идентичности следует рассматривать как фактор риска формирования алкогольной зависимости [4]. Часто употребление алкоголя в подростковом возрасте становится причиной деформации структуры социальной идентичности, а также нарушения отношений с окружающими. Вместе с тем нарушение социальной идентичности, изначальная несформированность целостного представления о себе, своих целях, ценностях становятся одним из факторов риска в формировании зависимости. Фиксируется циклическая детерминация в диаде алкоголизм – идентичность [4].

Интересной в рассматриваемом контексте представляется концепция аддиктивной идентичности, представленная Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриевой [5]. С их точки зрения, идентичность можно подразделить на «истинную» (понимание глубинной сущности собственного «Я») и «ролевую» (успешное социальное взаимодействие, соблюдение норм и правил поведения) [5]. Формирование и взаимодействие данных структур идентичности приводят к формированию «здоровой» идентичности. В условиях упо-

ребления ПАВ «здоровая» идентичность постепенно утрачивает свою роль и полностью «поглощается» патологической, результатом чего является формирование аддиктивной идентичности, являющейся ядром аддиктивной личности. Основная цель такой личности, по мнению авторов, – это поиск и прием ПАВ, сокрытие фактов наркотизации, оправдание и поддержание иллюзии «нормальной» жизни [5].

Д.О. Камалдинов в своих работах [6] показал, что зависимые от ПАВ, у которых сформировалась аддиктивная идентичность, имеют крайне низкие шансы на продолжительную ремиссию. Автор установил, что возможны варианты отрицания аддиктивной идентичности так же, как и ее осознанного принятия, причем последний, как ни парадоксально, характеризуется наихудшим прогнозом [6]. Так или иначе неудачные попытки прервать аддиктивное поведение снижают самооценку, изменяют образ «Я», способствуют раскрытию аддиктивной идентичности. Под действием нарушенной идентичности формируется аддиктивная личность, построенная вокруг обеспечения употребления ПАВ.

Несмотря на ограниченность и несистематизированность в целом представленных выше свидетельств (фиксация «аддиктивной» «нарушенной» идентичности без определения ее конкретного содержания, внутренних трансформаций в динамике развития зависимости и анализа механизмов, обеспечивающих взаимовлияние нарушения идентичности с употреблением ПАВ), последние недвусмысленно указывают на магистральный характер проблем с идентичностью, целостностью Я и его постоянством во времени у больных данной категории. Получение конкретных экспериментальных данных в этой области позволит определить специфику самоидентификации и ее место в структуре психологического дефекта у больных, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением ПАВ.

Таким образом, **цель** представленного в настоящей статье исследования становится определение качественных и количественных особенностей функциональной структуры самоидентификации у больных, страдающих расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ.

Основной гипотезой исследования стало предположение, что показатели развития самоидентификации как высшей психической функции и всех ее подфункций у испытуемых в норме будут существенно выше, чем у лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ.

Методики и методы исследования

Методика исследования самоидентификации базируется на выстроенной и аргументированной в предыдущих работах культурно-исторически фундированной модели самоидентификации ([7–9] и др.). В соответствии с ней мы предлагаем определять *самоидентификацию как высшую психическую функцию личностного знаково и символически опосредствованного отношения человека к событиям индивидуальной исто-*

рии как к явлениям, конституированным единой субъектностью и составляющим единое индивидуально-историческое целое. Понимая самоидентификацию как переживание себя в социокультурном Другом, мы рассматриваем ее в единстве интеллектуального и аффективного, личностного и средового, характеризующем, согласно Л.С. Выготскому, переживание. Самоидентификацию мы рассматриваем в качестве центрального механизма структурирования самосознания¹.

Разрабатывая функциональную структуру самоидентификации, представленную в ее нормативной модели [7, 8], мы обращаемся к идее Л.С. Выготского о необходимости совмещения структурного и функционального принципов анализа психического [10], а также к сформулированному выше понятию самоидентификации. Данный процесс, согласно нашей модели, реализуется в трех основных функциях: 1) становление знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как целостного субъекта определенной (реальной или до-воображенной) социальной практики; 2) аксиоматизационно-декомпилированный отбор и последующее интегрирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории, а также целей субъекта при помощи знака (формирование идентификационных конструктов); 3) обеспечение символически опосредствованного единства идентификационных конструктов, а также социокультурных контекстов, в которых реализуется каждый из таких конструктов в сознании субъекта, и, как следствие, эмпирическое апплицирование личностных ценностей и предельных смыслов, конституирующих взаимодействие субъекта с миром, формирование метаидентификационного конструкта) [7–9].

Методики и аппаратура. Экспериментальная методика, разработанная нами с целью исследования функциональной структуры самоидентификации, направлена на изучение степени сформированности этой структуры и включает три экспериментальных задания, обеспечивающих исследование состояния каждой из обозначенных выше подфункций самоидентификации. Задание «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации» нацелено на изучение функции становления знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как целостного субъекта определенной социальной практики. Данное задание методики не следует идентифицировать с известной методикой «Кто Я» М. Куна, Т. Макпартленда (*M. Kuhn, T. McPartland*). Последняя предполагает иные цели исследования (изучение степени рефлексивности личности, самооценки, Я-концепции и т.д.), а также иную по отношению к реализуемой нами логику интерпретации. Разработанное нами задание в отличие от методики М. Куна, Т. Макпартленда имеет четкую направленность на изучение одного из компонентов функциональной структуры самоидентификации – становления знака в качестве средства ее осуществления, ее орудия. Задание «Исследование сформированности структуры идентификаци-

¹ Наша позиция в данном случае близка взглядам В.С. Мухиной [11].

онных конструктов» предполагает моделирование подфункции отбора и ассоциирования разрозненной феноменологии взаимодействия субъекта с миром при помощи знака. В рамках этого задания реконструируется процесс организации субъектом представлений памяти и воображения, охватывающих явления его взаимодействия с миром, с опорой на знак, выступающий в качестве средства самоидентификации. Задание «Исследование интегрированности идентификационных конструктов» направлено на изучение сформированности функции обеспечения символически опосредствованного единства идентификационных конструктов, а также социокультурных контекстов, в которых реализуется каждый из таких конструктов в сознании субъекта (сформированность метаядентификационного конструкта субъекта).

Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации

Процедура исследования. В рамках данного задания каждому участнику исследования предлагалось ответить на вопрос «Кто я?». На ответы было дано три минуты. Ответы фиксировались психологом, а затем по его просьбе ранжировались участником исследования по критерию субъективной значимости. По результатам ранжирования выявлялись три ответа, отражающих наиболее значимые для субъекта содержания самоидентификации. Общее количество ответов участников в рамках задания не учитывалось в связи с тем, что этот показатель не отражает характера сформированности знака как орудия самоидентификации, фиксируя лишь декларируемую субъектом широту его включенности в поле социальных отношений. Предлагаемые участниками исследования категории рассматривались нами в качестве знаков, фиксирующих определенный тип социальных практик, реализованных участниками исследования и обеспечивающих возможность единства вид визуального опыта взаимодействия субъекта с миром. Исследователь анализировал предложенные категории, исходя из наличия в них ориентированности на погружение человека как целого в определенную социальную практику.

Определение уровня развития подфункции сформированности знака как орудия самоидентификации. Уровень развития данной подфункции оценивался на основании анализа трех ответов, отражающих наиболее значимые для субъекта практики взаимодействия с миром. Третий (самый высший) уровень развития самоидентификации предполагает имплицитную заданность в идентификационной категории модели определенной социальной практики (практик). Примерами ответов такого рода являются категории «спортсмен», «художник», «ученик», «мальчик», «христианин», «хулиган» и т.д. На втором уровне развития данной подфункции предлагаемые участниками исследования категории характеризуются «освобожденностью» от ориентированности на реализацию социальных практик и выступают лишь элементами «мозаики» образа его собственной личности.

Примерами таких ответов являются категории «красивая», «слабохарактерный» и т.д. На первом уровне развития данной подфункции участник исследования обращается к категориям, апеллирующим к содержаниям его предметной деятельности («я хожу в школу», «играю в теннис», «занимаюсь шахматами в секции» и пр.). Нулевой уровень самоидентификации предполагает невыполнение участником исследования предлагаемой психологом инструкции (сформулировать хотя бы три ответа или проанализировать ответы на вопрос «Кто я?»).

Исследование сформированности структур идентификационных конструктов

Процедура исследования. Данное задание предполагало дальнейшую работу участников исследования с теми категориями самоидентификации, которые были названы ими в ходе выполнения первого задания. Участникам исследования были выданы три группы геометрических фигур, которые предлагалось использовать в качестве объектов заместителей феноменов взаимодействия человека с миром в разные периоды жизни. Участнику исследования предлагалось расположить во временной последовательности события жизни, в которых он проявил себя как носитель социальной роли, предполагаемой идентификационной категорией, выбранной им в рамках первого задания. Затем исследователь просил участника составить на основе единства этих событий автобиографическое повествование. Такая процедура осуществлялась по отношению к каждой из трех выбранных в рамках первого задания категорий. Участник исследования мог выбрать любые фигуры (как разные, так и одинаковые) и в любом количестве для того, чтобы облегчить себе процесс расположения во времени определенных событий жизни. Разные формы фигур были несущественны с точки зрения интерпретации результатов и предлагались лишь с той целью, чтобы позволить участнику, в случае если он в своем сознании разводит прошлое, настоящее и будущее, объективизировать эти различия в ходе выполнения задания.

Определение уровня сформированности структуры идентификационных конструктов. Критерием полной сформированности данной подфункции (третий уровень ее развития) является нарративность индивидуальной истории субъекта, способность организовать во внешнем предметном плане обусловленное соответствующей социальной практикой единство разнесенных во времени ситуаций взаимодействия с миром, что рассматривалось как символическое свидетельство организующей функции знака как средства формирования идентификационного конструкта. На втором уровне развития данной подфункции участник исследования находит в пространстве своего опыта события, характеризующие его как актора соответствующей социальной практики в различные периоды (как в прошлом, так и в будущем), но не способен представить в самосознании эти события как содержания единой временной перспективы, т.е. не может

создать идентификационный нарратив. На первом уровне развития подфункции формирования структуры идентификационных конструктов участник исследования фиксирует события своей жизни, характеризующие лишь один из ее временных векторов (только прошлое или только будущее). В единую временную перспективу (единство прошлого и будущего) мы предлагаем сложить события только после того, как испытуемый находит ситуации, свидетельствующие о его принадлежности к соответствующей социальной группе и в прошлом, и в будущем, а в ответах первого уровня этого еще не происходит: на этом уровне субъект фиксирует события, относящиеся либо к его прошлому, либо к планируемому будущему. Наконец, нулевой уровень развития данной подфункции характеризуется неспособностью идентифицировать в сознании события, выступающие коррелятами осмысливаемой социальной практики.

Исследование интегрированности идентификационных конструктов

Процедура исследования. С помощью данной методики изучалась сформированность метаидентификационного конструкта субъекта. Участнику исследования предлагалось ознакомиться с тремя группами пространственных трехмерных объектов правильной формы (гексаэдры, октаэдры, тетраэдры), обладающих в силу пластичности материала свойством вариативности. Затем участнику необходимо было выбрать грани объектов, на которых он расположит свои ответы (идентификационные категории), полученные при выполнении первого задания. Для расположения идентификационных категорий участник исследования мог выбрать одну, две или три фигуры. Предложенные в рамках первого задания ответы записывались психологом на бумаге и прикалывались участником исследования на выбранные им фигуры. В случае если категории были расположены на гранях одной фигуры, участнику также предлагалось придать этой фигуре форму, символизирующую его личность.

Определение уровня сформированности подфункции интегрированности идентификационных конструктов. Количество выбранных участником исследования объектов мы рассматривали как проявление степени единства и согласованности идентификационных конструктов, а также внутренней однородности ценностных ориентаций, на которых базируются социальные практики, зафиксированные в идентификационных конструктах субъекта. Предполагалось, что свидетельством полной сформированности этой подфункции будет выбор субъектом для расположения всех трех наиболее значимых идентификационных категорий одной фигуры, символизирующей единство его идентификационных конструктов, интегральную целостность переживания индивидуальной истории, а также возможность придания ей уникальной, характеризующей именно этот субъект и символизирующей его формы. Второй уровень самоидентификации характеризуется расположением двух идентификационных конструктов на гранях одной фигуры, тогда как третий конструкт располага-

ется на другой фигуре. Первый уровень развития этой подфункции предполагает расположение каждого из конструктов на отдельной фигуре. Такую ситуацию мы рассматривали как символическое проявление внутренней рассогласованности интегральной идентичности человека, а также разнородности ценностных и смысловых оснований самосознания субъекта. Нулевой уровень предполагает невозможность решения субъектом задачи по размещению идентификационных конструктов на гранях предложенных психологом геометрических фигур.

Описанная методика может использоваться при работе с испытуемыми начиная со старшего подросткового возраста и применима для исследования функциональной структуры самоидентификации в период ранней взрослости. На сегодняшний день методика не относится к разряду психодиагностических и, поскольку не является тестом, не предполагает количественной оценки психометрических показателей ее валидности.

Переменные. В качестве независимой переменной в описываемом исследовании выступил характер отношения субъекта к психоактивным веществам; последний имеет 4 уровня репрезентации: 1) норма; 2) зависимость от опиоидов; 3) зависимость от алкоголя; 4) зависимость от нескольких наркотических веществ. Зависимых переменных было три: это показатели по трем блокам экспериментальной методики, а также ее итоговый показатель.

Статистический критерий. Для сравнения степени сформированности функциональной структуры самоидентификации у лиц, свободных от зависимости, и у лиц, зависимых от психоактивных веществ, был применен χ^2 -критерий Пирсона.

Испытуемые. Выборку исследования составили 110 испытуемых, разделенных на 4 группы (одна контрольная и три экспериментальные), которым соответствуют четыре уровня независимой переменной. В контрольную группу и группы лиц, страдающих зависимостью от опиоидов и алкогольной зависимостью, включены по 30 испытуемых. Четвертую группу составили 20 испытуемых, зависимых от нескольких наркотиков одновременно. В возрастном отношении все испытуемые относятся к периоду ранней взрослости. Их средний возраст равен 25 годам, $\sigma = 2,74$. При рассмотрении на предмет среднего возраста испытуемых каждой группы в отдельности становится очевидным, что в каждой из них он примерно такой же, как и во всей выборке. Так, респондентам из группы нормы в среднем 24 года ($\sigma = 1,97$); в группе зависимых от опиоидов средний возраст равен 25 годам, $\sigma = 3,02$; средний возраст страдающих от алкогольной зависимости – 26,5 года ($\sigma = 2,46$), а зависимых от нескольких наркотических средств – 24 года ($\sigma = 2,80$). Исследовательская выборка в целом состоит из 76 мужчин и 34 женщин. Соотношение по полу в каждой из отдельных групп испытуемых представлено следующим образом: в группе нормы 18 мужчин и 12 женщин; в выборку зависимых от опиоидов вошли 23 мужчины и 7 женщин; среди страдающих алкоголизмом 21 мужчина и 9 женщин; в группе зависимых от нескольких ПАВ 14 мужчин и 6 женщин. Испытуемые, страдающие зависимостью от опиоидов, алкоголь-

ной зависимостью, зависимостью от нескольких наркотических средств, находились на стационарном лечении в РНПЦ психического здоровья г. Минска. Доступ в учреждение был обеспечен по согласованию с его администрацией. Каждый респондент выразил письменное осведомленное согласие на участие в исследовании, закрепленное личной подписью.

Процедура исследования. Испытуемые обследовались индивидуально, работа испытуемого с методикой занимала в среднем 50–60 минут. Результаты фиксировались в разработанных бланках ответов и затем были проинтерпретированы специально обученным экспертом-экспериментатором, незнакомым с основными гипотезами данного исследования.

Результаты исследования

Рассмотрение сформированности функциональной структуры самоидентификации у испытуемых начнем с **количественного анализа** полученных данных, которые представлены в таблице. Стоит необходимо отметить, что ни одна из переменных, измеряющих функции самоидентификации, не имеет нулевых значений. Это означает, что данные функции хотя бы в минимальной степени сформированы у всех испытуемых, что характерно и для итогового показателя экспериментальной методики, за исключением нулевого уровня двух респондентов: одного представителя зависимых от опиоидов и одного представителя зависимых от нескольких наркотических веществ. В целом же можно сделать вывод, что самоидентификация как целостная психическая функция находится в актуализированном состоянии у всех участников исследования.

Сформированность функциональной структуры самоидентификации в исследуемых группах

Блок методики	Уровень	Зависимые от опиоидов	Зависимые от алкоголя	Зависимые от нескольких наркотиков
Блок I	0	0	0	0
	1	0	0	1
	2	0	0	0
	3	30	100%	28
Блок II	0	0	0	0
	1	0	2	1
	2	4	13,33%	8
	3	26	86,67%	11
Блок III	0	0	0	0
	1	10	33,33%	17
	2	6	20%	6
	3	14	46,67%	3
Итоговый показатель	0	0	1	1
	1	4	13,33%	17
	2	12	40%	5
	3	14	46,67%	3

Выполняя задание «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации», все испытуемые, находящиеся в норме, и абсолютное большинство зависимых испытуемых (от 93 до 97% в разных группах зависимых испытуемых) продемонстрировали третий – максимальный – уровень сформированности способности использовать знак в качестве орудий самоидентификации. Таким образом, практически все взрослые, вошедшие в выборку исследования, описывают себя при помощи позиции категорий, имеющих явную отнесенность к той или иной социальной практике, и тем самым репрезентируют себя как целостных субъектов определенных социальных отношений.

Данные, полученные в ходе выполнения участниками исследования задания № 2 «Исследование структуры идентификационных конструктов» (см. таблицу), свидетельствуют о том, что большая часть испытуемых, как и в предыдущем случае, имеет высшую степень сформированности идентификационных конструктов, позволяющих объединять индивидуальный опыт взаимодействия человека с миром в единое автобиографическое целое. Однако в отличие от данных по первому блоку в результате выполнения задания второго блока здоровыми и зависимыми людьми можно наблюдать различия: в группе «норма» наивысший третий уровень по-прежнему определяется у подавляющего большинства испытуемых (97%), в то время как этот же уровень выявлен у чуть более половины страдающих от алкоголизма (57%) и зависимых от нескольких наркотиков (55%). Кроме того, у большинства зависимых от опиоидов (составляющих 60% своей выборки) функция формирования идентификационных конструктов сформирована на втором уровне. Исходя из описанных данных по этому блоку, можно констатировать, что в большинстве своем страдающие от опиоидной зависимости, обнаруживая себя исполнителями определенных социальных практик в различные периоды своей жизни, не способны объединить эти события в пределах единого временного континуума. Большая часть представителей всех остальных групп участников исследования, как здоровых, так и зависимых, в состоянии успешно выстраивать автобиографический нарратив, т.е. интегрировать разрозненные во времени феномены своей индивидуальной истории в линейно-временное единство, используя для этого соответствующие категории.

Изучение у испытуемых функции формирования метаидентификационного конструкта (при помощи задания № 3) показало, что на этот раз большинство зависимых оказались на первом уровне развития подфункции. Он обнаружен у 57% страдающих от опиоидной зависимости, 43% страдающих от алкоголизма и 55% употребляющих несколько наркотиков (см. таблицу). Значительно меньшая часть испытуемых, страдающих от психотропных средств, связанных с употреблением ПАВ, продемонстрировала второй и третий уровни развития данной функции.

В выборке здоровых испытуемых сохраняется тенденция, обнаруженная при анализе результатов выполнения двух предыдущих заданий: 47% от выборки здесь составили испытуемые, обнаруживающие третий уровень развития данной подфункции самоидентификации.

Сказанное свидетельствует о том, что более половины испытуемых с опиоидной зависимостью и зависимостью от нескольких наркотиков, а также около половины испытуемых, находящихся в алкогольной зависимости, характеризуются внутренней несогласованностью и хаотичностью метаидентификационного конструкта, отсутствием внутреннего единства представлений о реализуемых ими социальных ролях. С другой стороны, почти у половины свободных от наркотической и алкогольной зависимости людей, принявших участие в данном исследовании, подфункция формирования метаидентификационных конструктов сформирована полностью. Это позволяет сделать вывод о том, что лицам, не страдающим психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, присуще переживание собственной идентичности как интегральной целостности.

Единый показатель по методике вычислялся следующим образом: участнику исследования начислялось столько баллов, сколько подфункций самоидентификации у него сформировано полностью. Испытуемый получал 3 балла, только если у него все три задания методики были выполнены на предельном уровне. В то же время если участник исследования, например, по всем блокам методики демонстрировал второй уровень, то общий уровень развития самоидентификации равнялся нулю.

Определение итогового показателя по методике, характеризующего сформированность самоидентификации как целостной функции, показало, что наибольшее число испытуемых в норме продемонстрировали высший уровень развития самоидентификации (см. таблицу). Участники этой категории составили 47% от своей группы. Примерно столько же представителей данной группы – 46% – продемонстрировали второй уровень развития самоидентификации. Что касается групп зависимых, то среди них больше всего оказалось испытуемых с первым уровнем сформированности самоидентификации как целостной психической функции. Его продемонстрировали 57% страдающих от опиоидной зависимости, 47% страдающих от алкоголизма и 55% употребляющих одновременно разные наркотические вещества.

Для проверки гипотезы о статистической значимости различий между исследуемыми группами был применен χ^2 -критерий Пирсона. Согласно соответствующим расчетам различия были установлены в уровне сформированности второй подфункции ($\chi^2 = 19,73$; $p = 0,00310$) и итогового показателя самоидентификации ($\chi^2 = 25,48$; $p = 0,00248$), а также обнаружена тенденция к статистической значимости различий по третьей подфункции ($\chi^2 = 12,14$; $p = 0,05898$). Отличий в группах в развитии первой функции обнаружено не было. Действительно, если рассмотреть распределение испытуемых по четырем уровням сформированности подфункции использования знака как орудия самоидентификации в каждой группе (см. таблицу), становится очевидным, что абсолютное большинство участников исследования имеют наивысший третий уровень. Это подтверждает рис. 1, на

котором ясно визуализируется сглаживание графика средних значений показателей по первому блоку.

Благодаря использованию χ^2 -критерия Пирсона было определено, что по степени сформированности идентификационных конструктов (подфункция 2) от здоровых людей отличаются представители каждой из трех выборок зависимых лиц: страдающие от опиоидной зависимости ($\chi^2 = 18,02$; $p = 0,00012$), страдающие от алкогольной зависимости ($\chi^2 = 6,65$; $p = 0,00993$) и употребляющие несколько наркотиков ($\chi^2 = 6,68$; $p = 0,03541$). Среди здоровых испытуемых большинство (87%) имеют третий уровень сформированности рассматриваемой подфункции. Чуть больше половины страдающих от алкоголизма и зависимых от нескольких наркотических веществ также находятся на третьем уровне, но в то же время почти половина из них находятся на втором уровне. У тех, кто зависим от опиоидов, данная подфункция сформирована преимущественно на втором уровне (у 60%). Указанные процентные данные представлены в таблице. Кроме этого, на рис. 1 хорошо заметно расстояние между точками средних значений оценки второй подфункции в группе нормы и в группах зависимых. Статистически значимых различий между тремя выборками испытуемых, страдающих зависимостью от ПАВ, не обнаружено.

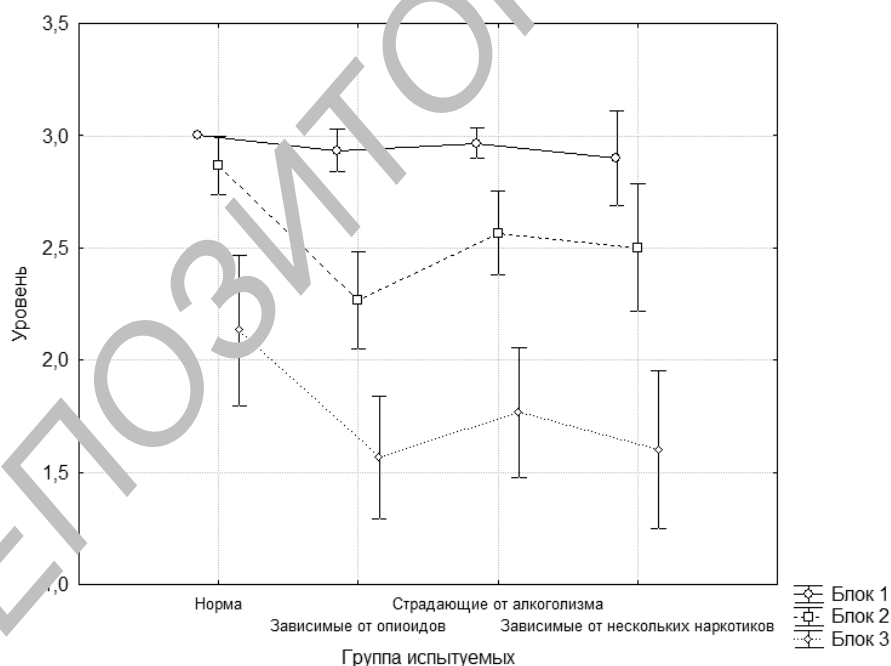

Рис. 1. Средние значения уровней сформированности подфункции самооидентификации в группах испытуемых

При рассмотрении результатов расчета χ^2 -критерия с использованием данных, характеризующих сформированность интегрирующей подфункции самоидентификации, была установлена статистическая значимость различий между выборками здоровых испытуемых и испытуемых, страдающих от опиоидной зависимости ($\chi^2 = 7,97$; $p = 0,01859$). Если в группе лиц, не страдающих расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, около половины респондентов (47%) имеют самый высокий третий уровень интегрированности идентичности, то у большей части зависимых от опиоидов (у 57%) она интегрирована на первом уровне (см. таблицу). Разница между средними этих двух выборок видна на рис. 1 на соответствующем графике. В данном случае никаких иных статистически значимых различий обнаружено не было.

При сравнении развития самоидентификации как высшей психической функции (интегральный показатель по методике) с помощью χ^2 -критерия были получены следующие результаты. Каждая из групп зависимых лиц отличается от группы здоровых испытуемых: страдающие от опиоидной зависимости ($\chi^2 = 20,36$; $p = 0,00014$); страдающие от алкогольной зависимости ($\chi^2 = 8,94$; $p = 0,01145$); употребляющие сразу несколько наркотических веществ ($\chi^2 = 12,73$; $p = 0,00514$). Итак, подтвердилась наша гипотеза о том, что развитие самоидентификации как целостной психической функции у испытуемых в норме будет выше, чем у лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ. Таким образом, у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, самоидентификация как высшая психическая функция сформирована на низком уровне, в то время как у психически здоровых людей он превышает средние показатели по выборке (рис. 2).

В отсутствие статистически значимых отличий страдающих от алкоголизма и употребляющих несколько наркотиков от группы нормальных испытуемых по третьей подфункции следует обратить внимание на тенденции к появлению этих отличий, особенно если учесть, что в группах зависимых от психоактивных веществ у большей части респондентов показатель по блоку 3 находится на первом уровне, в то время как в группе «норма» – на третьем уровне (см. таблицу). Данные в процентах показывают, что для 43% злоупотребляющих алкоголем и для 55% употребляющих несколько наркотиков характерен невысокий первый уровень интегрированности идентификационных конструктов. Эти тенденции мы рассматриваем в качестве факторов, предопределяющих статистически значимые различия, выявленные при сравнении степени сформированности самоидентификации как высшей психической функции у испытуемых в норме и у лиц, страдающих расстройствами, связанными с употреблением алкоголя и сочетанным употреблением наркотиков.

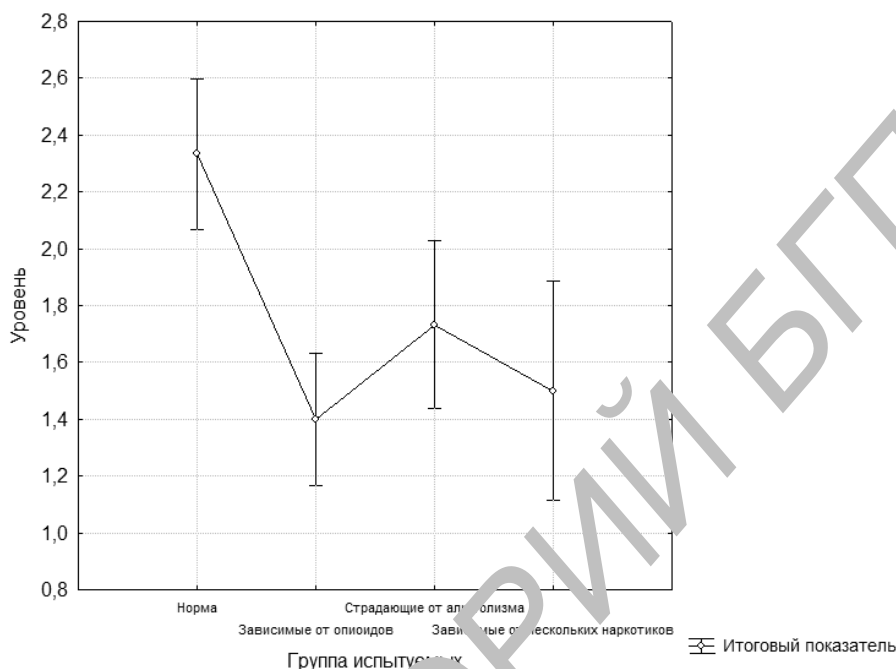

Рис. 2. Средние значения самооценки как высшей психической функции в группах испытуемых

Качественный анализ. Рассмотрим наиболее яркие особенности выполнения заданий методики, характеризующие качественное своеобразие репрезентации отдельных подфункций испытуемыми исследуемых групп. Обратимся к заданию «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации».

Испытуемые, не страдающие психическими расстройствами, связанными с употреблением ПАВ, на вопрос «Кто я?» называют множество разнообразных категорий (от 5 до 10), каждая из них сопровождается аргументацией («королева, так как стараюсь сформировать у себя такие качества»). При выборе наиболее значимых категорий преимущество отдается тем, которые ориентированы на ожидания и стремления испытуемого, планы на будущее (режиссер, актриса, успех и т.д.). Чаще всего это не просто фантазии, а реальные цели, для достижения которых уже предпринимаются какие-либо действия. Можно выделить здесь также категории, указывающие на социальный статус испытуемого («дочь», «подруга», «брат» и т.д.) либо свидетельствующие о переживаниях, которые человек испытывает сейчас («одиночество», «поиск» и т.д.).

Количество ответов в группе испытуемых, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением опиоидов, варьируется от 3 до 5. Чаще всего встречаются категории «человек», «гражданин», «наркоман», при ранжировании по значимости этим категориям присваи-

вается, как правило, ведущее значение. Данную особенность можно объяснить содержанием, которое испытуемые вкладывают в категории подобного типа. Можно выдвинуть предположение, что за ними скрывается страх стать ненужным своему окружению, обществу в целом, потерять себя как человека, как личность. Подтверждение данного предположения наблюдается и в ходе выполнения последующих заданий: испытуемый часто возвращается к проблеме своей зависимости и указывает на желание быть полезным, быть важным для кого-то. За категорией «гражданин» у испытуемых этой категории, как правило, скрывается желание оставаться частью семьи, государства, общества.

Далее следуют категории, касающиеся семейного положения («муж», «сын» и т.д.) или профессиональной деятельности («сиделки»), они либо вовсе не включаются в три наиболее значимые категории, либо занимают вторые и третьи позиции. Отдельно следует выделить категорию «наркоман», которая встречается у большинства испытуемых, однако в некоторых случаях, как показывают ответы на проективные вопросы, в завуалированной форме. Так, идентификационная категория «наркоман» часто замещается менее травматичными для больного категориями, например «бес» или «желание».

Испытуемые, страдающие зависимостью от алкоголя, предлагают большое количество разнообразных категорий самоидентификации. В результате ранжирования их выбор обычно падает на такие категории, как «человек», «личность», «гражданин» либо «добро», «справедливость», «ответственность», на вторые места оказываются категории, указывающие на их семейное положение («брат», «отец» и др.), далее следуют профессия («рабочий», «слесарь» и др.) либо интересы и хобби («рыбак», «охотник» и др.). Иногда встречается категория «пьяница», но при ранжировании ей отводятся самые последние места или же она вовсе исключается, что может свидетельствовать о вытеснении больным своей проблемы в ходе самоидентификации. Таким образом, можно говорить об использовании самоидентификации лицами, страдающими от алкогольной зависимости, в качестве одного из механизмов психологической защиты от осознания своего состояния. Последнее, как показывают многочисленные исследования, может оказаться для этих больных травматичным опытом, что вынуждает их защищаться от подобного осознания ([12, 13] и др.).

Испытуемые, страдающие зависимостью от нескольких наркотических веществ, на основной вопрос задания отвечают достаточно динамично, но указывают небольшое количество категорий, чаще всего это «человек», «личность», «норма». Иногда встречается аргументация выбора при которой испытуемые всячески пытаются подчеркнуть свою «нормальность», «человечность», а следовательно, открытость для позитивного отношения со стороны общества. Далее выделяются семейное положение, профессиональная деятельность («музыкант», «режиссер» и др.) и интересы («спортсмен»). Также некоторые испытуемые выделяют такую на первый взгляд неожиданную категорию, как «смысл».

Можно предположить, что большинство испытуемых данной группы находятся в постоянном поиске своей идентичности, места в мире и смысла своего бытия. Это подтверждается большим разнообразием используемых категорий (один испытуемый может быть и «музыкантом», и «режиссером», и «спортсменом») при их относительно слабой аргументации, а также обращением к категории смысла.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно заключить, что испытуемые, страдающие зависимостью от ПАВ, значительно меньше уделяют поддержку и аргументации своей человеческой и гражданской роли. Они полагают, что заболевание лишает их этого, делает в этом отношении «слабее» других. Также важную роль в аргументации их выбора начинают играть стремление помогать другим и быть кому-то нужным.

Обратимся к заданию «**Исследование структуры идентификационных конструктов**».

Испытуемые *контрольной группы* в процессе исследования выстраивают целостную «линию жизни» и составляют подробное автобиографическое повествование. Более детально они описывают категории, связанные с семейной или профессиональной сферой жизни. В некоторых случаях наблюдается выделение из трех категорий одной доминирующей и, как следствие, неспособность отойти от ее описания при описании двух других. При составлении автобиографического повествования относительно доминирующей категории испытуемый выстраивает цепь разнесенных во времени событий взаимодействия с миром относительно нее, последующее же описание других категорий выглядит скорее не как новая цепь повествования, а как дополнение уже сложившейся. Таким образом, итогом предложенного задания будут не три автобиографические истории, а одна с несколькими отклонениями и дополнениями.

Началом автобиографического повествования испытуемых, *страдающих зависимостью от опиоидов*, является момент приема наркотического препарата, вплоть до этого, субъективно незначимо для испытуемого. Дальнейшие события и действия описываются очень подробно вплоть до настоящего времени. Затем повествование переходит с описания событий на обобщенную характеристику определенного временного промежутка «настоящее – хаос и неопределенность»; «настоящее – здесь, в больнице»; «будущее хорошее, но когда оно наступит, я не знаю»).

Испытуемые, *страдающие зависимостью от алкоголя*, в большинстве случаев строят цельную «линию жизни», иногда допуская разрывы между прошлым и настоящим. При составлении повествования разрыв объясняется через апелляцию к событию, связанному с неудачами, трудностями, травмами. Во многих историях разрыв связан с субъективно фиксируемым моментом погружения в алкогольную зависимость. Многие при составлении автобиографического повествования указывают на невозможность выделения и описания событий прошлого, так как они либо «стерты из памяти», либо «прошлое просто не нужно». Настоящее описывается как этап преодоления всех проблем и препятствий, будущее в целом лишено

конкретики, оно представляет собой ситуацию, в которой все проблемы и трудности решены («оно будет хорошим: семья, работа»).

Прошлое, настоящее и будущее при построении «линии жизни» лицами, *страдающими зависимостью от нескольких наркотических веществ*, представлены как три не связанные между собой части. Пустота, которая образовывается между фигурами, описывается многими испытуемыми как пропасть, из которой либо нет выхода, либо выход – это прекращение употребления наркотического вещества. Фиксируется разрыв в восприятии испытуемыми времени. При этом прошлое описывается достаточно подробно, а настоящее и будущее – лишь несколькими фразами.

Можно заключить, что лица, не страдающие зависимостью от психоактивных веществ, составляют автобиографическое повествование, в котором прошлое описывается как некий фундамент, опыт, на котором строится настоящее, тогда как настоящее – это активность, поиск, выбор, а будущее – определенные цели, стремления. У лиц, страдающих зависимостью от ПАВ, прошлое делится на две части: «до» и «после», причем «после» – это путь к зависимости и то единственное, что объективизируется человеком при апелляции к собственному опыту. Настоящее – это ситуация тяжелого выбора: либо возвращение к зависимости (многие указывают, что после выхода из больницы продолжают употреблять ПАВ), либо попытка выбраться. Будущее – это некий «хороший фантом», достижение которого неосуществимо, испытуемые указывают на невозможность даже приблизиться к нему.

Обратимся к заданию «**Исследование интегрированности идентификационных конструктов**». Испытуемые, не страдающие зависимостью от ПАВ, объясняют расположение категорий на разных фигурах, нередко – формой фигуры, которая по мнению испытуемого, лучше «подходит» для идентификационной категории, репрезентированной субъектом.

Зачастую выбор нескольких фигур для обозначения своих социокультурных практик и испытываемые объясняют невозможностью объединить предложенные роли. Они утверждают, что каждая категория характеризует отдельную независимую часть их жизни.

Выполняя данное задание, люди, *страдающие зависимостью от опиоидов*, делают выбор в пользу идентичных фигур. Некоторые предпринимают попытку объединить несколько одинаковых фигур единой идентификационной категорией, аргументируя это ее особой значимостью. Испытуемые также, как правило, выделяют отдельную фигуру, на которой размещают категорию, связанную с зависимостью. Следует отметить, что данная фигура пространственно отдалается от остальных и испытуемый акцентирует свое внимание на ней.

Большинство испытуемых, *страдающих зависимостью от алкоголя*, в ходе выполнения данного задания выбирают для размещения категорий две фигуры. На одной они фиксируют наиболее значимую на данный момент категорию (например, «добро», «человек», «личность» и т.д.), а на оставшейся – все остальные. Некоторые составляют новую фигуру из предложенных и располагают на ней самую значимую категорию.

Выполняя данное задание, лица, *страдающие зависимостью от нескольких наркотических веществ*, отдают предпочтение одинаковым фигурам, располагая каждую из категорий на отдельной, но идентичной по форме фигуре, аргументируя это либо понравившейся формой фигуры, либо связью с «линией жизни», рассматриваемой на втором этапе.

Если размещение отдельными здоровыми испытуемыми выбранных ими идентификационных категорий на нескольких разных фигурах может быть определено как следствие сложности формирования у них единой системы личностных ценностей, которые в норме обеспечивают единство социокультурных практик субъекта, то у испытуемых, страдающих зависимостью от ПАВ, выбор нескольких, преимущественно одинаковых, фигур можно объяснить снижением интересов, увлечений вследствие концентрации личности лишь на приеме наркотического вещества. Как результат, для таких испытуемых все категории оказываются равнозначными по значимости, что в совокупности с фрагментированностью структуры их личностных ценностей [14] вызывает к жизни размещение идентификационных категорий на нескольких идентичных фигурах. Таким образом, метаидентификационный конструкт лишается как целостности, так и разнообразия, представляя собой набор хаотичных ролей, не имеющих под собой личностно значимого содержания, так как вся жизнь в этот период представляет собой для этих людей, как правило, пустой однообразный мир.

Интерпретация. Проблемы с осуществлением самоидентификации, выявленные у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, мы рассматриваем как проявление уникальных копинг-механизмов когнитивного типа. Сущностью этих механизмов является ограничение в формировании идентичности, сохранение идентификационных конструктов в диссоциированном, а метаидентификационного конструкта в дезинтегрированном состоянии. Психологическим следствием этих копинг-механизмов является защита «Я» от осознания собственной социальной и личностной несостоятельности, тотальной зависимости и, как следствие, от резкого понижения самооценки. Влияние социальной идентичности на самооценку индивида достаточно всесторонне изучено и описано в работах, посвященных психологии идентичности ([15, 16] и др.). Первым из выявленных нами механизмов является диссоциация автобиографического опыта, которая решает задачу сохранения причастности субъекта к высоковалентным идентификационным категориям, прежде всего профессионального и семейного типов (муж, отец, педагог, врач и т.д.). При этом в условиях диссоциации категории и автобиографического опыта, а также внутренней разобщенности самого этого опыта субъект, зависимый от ПАВ, получает возможность не осознавать несоответствие своего реального эмпирического опыта заявленным идентификационным категориям, сохранив, таким образом, возможность самоопределения через соответствующие категории. Вторым копинг-механизмом, базирующимся на работе самоидентификации, является дезинтеграция идентификационных конструктов при условии, что одним из

них является конструкт «Я – наркоман/алкоголик» и подобные ему по смыслу. Этот механизм позволяет человеку осознать себя в психологически комфортной ипостаси (я инженер/спортсмен/друг/брат), предполагающей относительно высокую самооценку. При этом данный копинг-механизм обеспечивает ограничение влияния на самосознание человека, страдающего психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, негативно, социокультурно окрашенных идентификационных конструктов, способных обрушить или существенно понизить его самооценку. Актуализация описываемого механизма позволяет оставить потенциально опасные идентификационные конструкты вне пределов интегральной идентичности субъекта.

Выводы

1. Выявлены значимые различия между здоровыми участниками исследования и представителями каждой из трех экспериментальных групп: группа людей, страдающих от опиоидной зависимости, страдающих от алкогольной зависимости и употребляющих несколько наркотиков, – в развитии подфункции формирования идентификационных конструктов. В то же время статистически значимых различий между тремя группами испытуемых, страдающих зависимостью от ПАВ, обнаружено не было.

2. В развитии интегрирующей подфункции самоидентификации установлены различия между лицами, страдающими психическими расстройствами, связанными с употреблением опиоидов, и здоровыми участниками исследования.

3. Значимые различия обнаружены в развитии самоидентификации как высшей психической функции между здоровыми участниками исследования и лицами, страдающими от расстройств, связанных с зависимостью от психоактивных веществ. Каждая из групп зависимых значимо отличается от группы здоровых испытуемых. Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что уровень развития самоидентификации как целостной психической функции у здоровых испытуемых будет выше, чем у лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ. В отсутствие статистически значимых различий между группами страдающих от алкоголизма и употребляющих несколько наркотиков, с одной стороны, и группой нормальных испытуемых – с другой, по отдельным подфункциям самоидентификации следует обратить внимание на зафиксированные в ходе исследования выраженные тенденции к появлению соответствующих различий.

4. Качественный анализ показал, что в ходе знакового опосредствования лица, зависимые от употребления психоактивных веществ, как правило, вытесняют свою принадлежность к соответствующей группе, заменяя ее более толерантными категориями либо придавая ей крайне низкий ранг, что свидетельствует о тенденции к вытеснению большими своего социального, психологического и соматического статуса. В ходе объективизации автобиографического опыта представители данной категории обна-

руживают событийные разрывы при анализе прошлого, идеализируют, лишают реалистичных характеристик будущее. Метаидентификационный конструкт больного лишается целостности, представляя собой набор хаотичных ролей, не имеющих под собой, как правило, личностно значимого для него содержания.

5. Проблемы с осуществлением самоидентификации, выявленные у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, мы рассматриваем как проявления уникальных копинг-механизмов когнитивного типа: диссоциации автобиографического опыта и дезинтеграции идентификационных конструктов. Психологическим смыслом этих копинг-механизмов является защита «Я» от осознания собственной социальной и личностной несостоятельности, связанной с тотальной зависимостью от употребления психоактивных веществ, и, как следствие, сохранение относительно стабильной психологически комфортной самооценки.

Литература

1. Запесоцкая И.В., Никишина В.Б., Ахметжанова А.И. Диссоциативные механизмы нарушения личностной идентичности при наркотической зависимости // Неврологический вестник. 2015. № 2. С. 34–41.
2. Крылова Н.В., Шнейдер Л.Б. Утрата личностной идентичности у молодежи и подростков, зависимых от алкоголя и наркотиков // Актуальные проблемы психологического знания. 2011. № 1. С. 69–99.
3. Петраш Е.А. Нарушение социальной идентичности при зависимости от курительных смесей // Человек и его здоровье. 2015. № 1. С. 125–129.
4. Чернышева А.В. Деформация структуры социальной идентичности как фактор риска формирования алкогольной зависимости // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2012. № 2. С. 107–113.
5. Короленко Ц.П., Литвичева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск : Олсиб, 2001. 157 с.
6. Камалдинов Д.О., Киселева Л.Т., Овчинников А.А. Нарушение формирования идентичности как фактор развития аддиктивного поведения // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 1999. № 2–3. С. 60–62.
7. Дьяков Д.Г., Радикова Н.П., Малаховская Е.С. Исследование самоидентификации у лиц, страдающих шизофренией: количественный и качественный анализ // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 102–123.
8. Дьяков Д.Г. Типология и функциональная структура самоидентификации как высшей психологической функции // Педагогическая наука и образование. 2015. № 1. С. 11–18.
9. Дьяков Д.Г. Ценностные ориентации и самоидентификация личности: феномен пальцевой детерминации в психологии // Науковий вісник херсонського державного університету. Сер. Психологічні науки. 2014. Вип. 1, т. 1. С. 36–44.
10. Мещеряков Б.Г. Логико-семантический анализ концепции Л.С. Выготского: систематика форм поведения и законы развития высших психических функций // Вопросы психологии. 1999. № 4. С. 3–15.
11. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. 640 с.

12. Ветюгов В.В. Механизмы психологической защиты у девочек-подростков с аддиктивным поведением, связанным со злоупотреблением психоактивных веществ: возрастная динамика и адаптационные проблемы // Психическое здоровье. 2006. № 5. С. 45–49.
13. Мазурова Л.В. Особенности адаптивно-защитного стиля у женщин с семейной созависимостью и алкогольной зависимостью // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 33–36.
14. Ошевский Д.С., Балашова Е.О. Искажение ценностных ориентаций как фактор риска употребления подростками психоактивных веществ // PsyJournals.ru / Психология и право. 2012. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52031.shtml> (дата доступа: 30.10.2015).
15. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. 2nd ed. Chicago : Nelson-Hall, 1985. P. 7–24.
16. Jetten J., Branscombe N.R., Haslam S.A. et al. Having a lot of a good thing: multiple important group memberships as a source of self-esteem // PLoS ONE. 2015. Vol. 17, № 1. P. 3–26.

Поступила в редакцию 15.11.2015 г.; повторно 27.01.2016 г.; принята 05.02.2016 г.

Сведения об авторах:

ДБЯКОВ Дмитрий Григорьевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и организационной психологии, декан факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (Минск, Республика Беларусь).

E-mail: Dg_dkv@mail.ru

ЖУК Наталия Николаевна, старший преподаватель кафедры общей и организационной психологии Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (Минск, Республика Беларусь).

E-mail: Nschawel@list.ru

МАЛАХОВСКАЯ Евгения Сергеевна, аспирант Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (Минск, Республика Беларусь).

E-mail: ledi_darkness@mail.ru

SELF-IDENTIFICATION OF PATIENTS SUFFERING FROM MENTAL AND BEHAVIORAL DISORDERS DUE TO USE OF DIFFERENT TYPES OF PSYCHOACTIVE SUBSTANCES: COMPARATIVE ANALYSES

Siberian journal of psychology, 2016, 59, 85–107. DOI: 10.17223/17267080/59/6

Dyakov Dmitry G., Zhuk Nataly N., Malahovskaya Eugenia S. Belarussian State Pedagogical University (Minsk, Republic of Belarus).

E-mail: Dg_dkv@mail.ru; Nschawel@list.ru; ledi_darkness@mail.ru

Keywords: self-identification; sign mediation; identification construct; metaidentification construct; mental and behavioral disorders.

The aim of the research presented in this article is to identify the characteristics of the process of self-identification of persons suffering from mental and behavioral disorders arising as a result of the use of psychoactive substances (alcohol – F10, opioids – F11, the combined use of drugs – F19). To achieve this goal the experimental method of self-identification investigation based on the model of this process was developed. This method directed to the investigation of the self-identification's functional structure. This structure is based on the original normative model that lies in the framework of cultural-historical psychology. The method allows to investigate formation of three functional blocks of self-identification: the establishment of sign as a self-identification tool, sign-mediating selection and the association of segmental individual story phenomenology (self-identification constructs formation), and

providing symbolically mediating unity of personal self-identification constructs in conscious.

It is shown that the functional structure of the self-identification of examinees suffering from mental and behavioral disorders arising as a result of substance use has its specificity in comparison with normal examinees, significant quantitative and qualitative differences are revealed.

The results of comparison between the experimental groups and the control group show that there are differences in the formation of identity as higher mental function. Statistically significant differences between the group of normal subjects and subjects suffering from mental and behavioral disorders arising due to use of opioids (F11) in the development of such subfunction as formation of identity constructs, as well as formation of integrating self-identity were revealed.

Qualitative analysis has shown that during the sign mediation, as a rule, addicted people replaced the affiliation to the appropriate group with more tolerant categories or decreased the significance of such category. This notice indicates the tendency of displacing one's own social, psychological and somatic status. Event-related gaps in the analysis of past were revealed while objectification by addicted subjects of their autobiographical experience. These people idealize their own future, deprive it of realistic characteristics. Me self-identification constructs of such patients lose their integrity and diversity, and represent a chaotic set of roles that do not have a personally meaningful content, as a rule.

Subjects suffering from mental disorders associated with substance use have difficulties with the implementation of self-identification and to our point of view it is the manifestation of unique cognitive coping mechanisms. They are the dissociations of autobiographical experience and the disintegration of identity constructs. Psychological meaning of these coping mechanisms is to protect the "Self" from the realization of their own social and personal insolvency associated with total dependence on the use of psychoactive substances, and as a result, the preservation of relatively stable, psychologically comfortable self-esteem.

References

1. Zapesotskaya, I.V., Nikishina, V.P. & Akhmetzyanova, A.I. (2015) Dissotsiativnye mekhanizmy narusheniya lichnostnoy identichnosti pri narkoticheskoy zavisimosti [Dissociative mechanisms for violations of personal identity in case of drug dependence]. *Nevrologicheskiy vestnik*. 2. pp. 4-4.
2. Krylova, N.V. & Shneider, L.B. (2011) Utrata lichnostnoy identichnosti u molodezhi i podrostkov, zavisimkh ot alkogolya i narkotikov [The loss of personal identity among young people and adolescents, dependent on alcohol and drug]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*. 1. pp. 69-79.
3. Petrash, E.A. (2015) Social identity disorder due to dependence on smoking blends. *Che-lovek i ego zdorov'e – Man and his Health*. 1. pp. 125-129. (In Russian).
4. Chernysheva, A.V. (2012) Deformatsiya struktury sotsial'noy identichnosti kak faktor riska formirovaniya alkogol'noy zavisimosti [Deformation of the social identity structure as a risk factor in the formation of alcohol dependence]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gosudarstvennogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya*. 2. pp. 107-113.
5. Korotenko, Ts.P. & Dmitrieva, N.V. (2001) *Psikhosotsial'naya addiktologiya* [Psychosocial addictology]. Novosibirsk: Olsib.
6. Kamalidinov, D.O., Kiseleva, L.T. & Ovchinnikov, A.A. (1999) Narushenie formirovaniya identichnosti kak faktor razvitiya addiktivnogo povedeniya [Violation of identity formation as the factor of addictive behavior development]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2-3. pp. 60-62.
7. Dyakov, D.G., Radchikova, N.P. & Malakhovskaya, E.S. (2015) Self-identification of patients with schizophrenia: quantitative and qualitative analysis. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 57. pp. 102-123. (In Russian).

8. Dyakov, D.G. (2015) Tipologiya i funktsional'naya struktura samoidentifikatsii kak vysshey psikhologicheskoy funktsii [Typology and functional structure of self-identification as a higher psychological function]. *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie – Pedagogical education and science*. 2. pp. 11-18.
9. Dyakov, D.G. (2014) Tsennostnye orientatsii i samoidentifikatsiya lichnosti: fenomen kol'tsevoy determinatsii v psikhologii [Values and self-identification: the phenomenon of a ring determination in psychology]. *Naukoviy visnik kherson'skogo derzhavnogo universitetu. Ser. Psikhologichni nauki*. 1(1). pp. 36-44.
10. Meshcheryakov, B.G. (1999) Logiko-semanticheskiy analiz kontseptsii L.S. Vygotskogo i sistematika form povedeniya i zakony razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy [Logical-semantic analysis of L.S. Vygotsky's concept: systematic of the form of behavior and the laws of development of higher mental functions]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 3-15.
11. Mukhina, V.S. (1999) *Fenomenologiya razvitiya i bytiya lichnosti* [Phenomenology of development and individual life]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK.
12. Vetyugov, V.V. (2006) Mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity u devochek-podrostkov s additivnym povedeniem, svyazannym so zloupotrebleniem psikoaktivnykh veshchestv: vozrastnaya dinamika i adaptatsionnye problemy [Mechanisms of psychological protection in adolescent girls with addictive behavior associated with substance abuse: Age dynamics and adaptation problems]. *Psikhicheskoe dorozhie*. 5. pp. 45-49.
13. Mazurova, L.V., Stoyanova, I.Ya. & Bokhan, N.A. (2009) Peculiarities of adaptive-defensive style in patients with family co-dependence and alcohol dependence. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 31. pp. 33-36. (In Russian).
14. Oshevskiy, D.S. & Balashova, E.O. (2012) Dislocation of value orientations as a risk factor of adolescents' use of psychoactive substances. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 2. [In Russian].
15. Tajfel, H. & Turner, J.C. (1985) The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel, S. (ed.) *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall. pp. 7-24.
16. Jetten, J., Branscombe, N.R., Haslam, S.A. et al. (2015) Having a lot of a good thing: multiple important group memberships as a source of self-esteem. *PLOS ONE*. 17(1). pp. 3-26. DOI: 10.1371/journal.pone.0124609

Received 15.11.2015;

Revised 27.01.2016;

Accepted 05.02.2016